ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1935
BULLETIN DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Classe
des sciences sociales

Отделение
общественных наук

8И(Монг)
К-59
52442

ЯЗЫК ПЕРВОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(По письмам персидских иль-ханов 1289—1305)

С. А. КОЗИНА

(Представлено академиком В. М. Алексеевым)

8И(МОН)
К-59

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1935
BULLETIN DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Classe
des sciences sociales

Отделение
общественных наук

ЯЗЫК ПЕРВОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(По письмам персидских иль-ханов 1289—1305)

С. А. КОЗИНА

(Представлено академиком В. М. Алексеевым*)*

Научная библиотека
ЛО ИВ РАН

Так как у монголов нет религии и веры, в которой они наставляли бы детей, подобно другим, то отец и мать объясняют им колено и истребованиают род...

Ван-Хан был государем племени Кераит, Тонкгойт и др. племен, входящих в число кераитских. Они были племя многочисленное и с большим войском, а государи были древне-славные. Они имели сходство с племенами монгольскими, и обыкновения, обычаи, речь и слова близки у одних с другими.

(Рашид-Эддин, сб. лит., стр. 28, 106).

В ожидании публикации вновь открытых, в Ватиканских архивах, подлинных писем монгольских государей, D-r Kotwicz,[1] как уже мною сообщалось в статье, посвященной письму Öljeitü-хана, предпринял ревизию двух известных дипломатических писем иль-ханов, опубликованных в Париже Abel-Rémusat более ста лет тому назад. W. Kotwicz предложил новое чтение, перевод и комментарии к этим письмам, в которых представлена полная критическая сводка столетней работы над этими памятниками ориенталистов-историков и языковедов.

Исчерпывающему анализу подвергнуты вопросы структуры монгольских официальных документов Юаньской эпохи, особенностей орфографии памятников монгольской литературы первого периода, в связи с китайскими и уйгурскими влияниями, и пересмотрен целый ряд важнейших вопросов фонетики и морфологии в свете последних достижений монголоведения в этих областях. Вне поля зрения этого проницательного исследователя остались только вопросы синтаксиса монгольского письменного языка, этой наименее исследованной части монгольской грамматики.

[1] En marge des lettres des il-khans de Perse, retrouvées par Abel-Rémusat, Lwów, 1933, и Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV-e siècle, Varsovie, 1933.

Отчасти в связи с этим вопросом, а также в виду той, не требующей пояснений, важности этих памятников и неисчерпаемого интереса, который они представляют для монголиста, я счел необходимым еще раз остановиться на анализе этих памятников и внести некоторые свои предложения, теперь главным образом по поводу чтения и перевода письма Аргуна[1] и связанных с этой работой некоторых вопросов монгольского синтаксиса, а также и общей характеристики монгольского письменного языка первого периода.

Точно так же и это небольшое письмо в своей композиции подчинено той традиционной схеме, которая была присвоена подобного рода официальным документам и четко сформулирована у Kotwicz'a в следующих пяти пунктах: 1) вступительная формула (la formule ou le protocole initial, invocation); 2) поименование посылающего документ; 3) поименование адресата (inscriptio); 4) изложение дела (expositio); 6) заключительный протокол (le protocole final).

Для удобства изложения мы последовательно рассмотрим все звенья письма, сопровождая каждое своими замечаниями для того, чтобы, освободившись таким образом от систематической их группировки, в заключение дать полный текст устанавливаемого документа, а также общие заключения.

Предварительно, однако, необходимо привести текст письма и его перевод в том виде, как они представлены у Kotwicz'a, сохраняя его транскрипцию. Французский текст перевода письма дается по-русски, как и цитируемые комментарии. Цифры в тексте письма обозначают номера строк.

ТЕКСТ

(1) Mœnke tœri-jin kücündür (2) xaγan-u suu-dur (3) Arγun üge manu

(4) Irad Barans-a

(5) Nmduni či Mar Bar (6) sawm-a (7) terigüten ilčin (8) — ijer öčižü iler-ün (9) Il xan-u čerigüd Misir-ün (10) žüg mörilebesü bida-bar (11) ändeče möriležü xamsaj-a (12) kemen öčižü ilegsen-i činu (13) žöbšiježü (14) tœri-ji žalbarižu bars žil öbül-ün (15) ečüs sara-da möriležü xabar-un (16) terigün sara-jin arban tabun-a (17) Dimisqi baγuj-a kemebei. Edüge (18) ünen üge-dür-ijen kürün (19) čerigüd-ijen bolžaldur iležu (20) tœri-de mör ögdežü tede irge (21) abubasu Urisalim-i tan-a ögij-e (22) kem bolžal xožidažu čerigüdi ämegülbesü (23) jaγu žoqixu xojina bar genübesü (24)

[1] См. мою статью «К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов».

jaγun tus-a basa ali bar kelen (25) aman ilčin ijen žigür-e (26) aγuɬγan berөngüd-ün γažar-un (27) taөuγ-ud siөxud ildeb өngeten (28) gürüs ögčü ilebesü kerbe sojurxaxuji (29) tөri-jin kučün (30) xaγan-u suu medetügei kemen Müskeril (31) korči-ji ilebei. bičig manu üker (32) žil žunu terigün sara-jin (33) žirγuγun xaγučid-ta köndelen-e (34) büküi-dür bičibei.

ПЕРЕВОД

(1—3) Силою Вечного Неба, suu Императора, Мы, Аргун, говорим:

(4) Королю Франции

(5—8) Ко мне (к Нам? Недавно?) ты прислал послов, с Mar Bar Sawma Sakhora во главе, чтобы уведомить: (9—11) «Если армии Иль-Хана предпримут поход на Египет, то мы, двинувшись отсюда, присоединимся».

(12—17) Одобрив это посланное тобою уведомление, мы сказали: «После того как мы, вознеся к небу наши молитвы, выступим в поход в последний зимний месяц тигра, мы достигнем Дамаска 15-го числа первого весеннего месяца».

(17—21) Теперь, если во исполнение наших обещаний мы пошлем наши армии в назначенный срок и если с помощью Неба мы возьмем эти народы, то мы вам отдадим Иерусалим. (22—24) (Но) еслиб мы опоздали к сроку, то было ли б (это) подходящим? Если бы даже впоследствии мы и сожалели бы, то какая польза? (24—30). «Еще: Если с твоим послом ты, вместе с какими-нибудь новостями, пошлешь между прочим (вверяя его попечению?) (для Нас) редкостей, кречетов и разноцветных камней из земли франков, да ведает сила Неба и suu Императора, что Мы (тебя) вознаградим всячески. (30—31). С этими поручениями мы послали стрельца Müskeril'я».

(31—34) Наше письмо написано в шестой (день) последней декады первого летнего месяца, в год быка, во время пребывания Нашего в Köndelen.

Таким образом, четвертую часть документа (expositio) следует резюмировать так: Аргун уведомляет французского короля о получении его извещения по поводу намечающихся совместных военных действий против Египта и назначает место встречи и срок прибытия монгольских войск к Дамаску (строки 5—17), а во второй половине этого же пассажа Аргун, обещая, при удачном исходе войны, отдать союзникам Иерусалим, вторично заверяет о прибытии монгольских войск к сроку, чтобы избежать тягостей для войск и поздних раскаяний. Тут же просит «между прочим» (с французским ответным посольством) прислать «франкских диковинок», за которые клянется отблагодарить.

Создается впечатление, что в данном дипломатическом документе дело идет об обязательствах одной, только лишь монгольской, стороны, которые

почему-то упомянуты даже дважды, при том с сугубым подтверждением их, тогда как естественно ожидаемое обязательство и другой стороны упоминается только в глухой цитате из сообщения короля о том, что тот «присоединится» к монголам, «если те выступят против Египта». При всей, много раз доказанной, умеренности монголов такие слова и такой тон странно звучат в устах преставителя мировой державы и плохо вяжутся с величавым тоном вступительной формулы и с начальными словами делового обращения: ты Нам прислал доклад (kemen ɔčijü ilegsen).

Невольно, поэтому, возникают сомнения, во всех ли деталях правилен наш перевод, и нет ли в подлинном тексте каких-нибудь еще не уловленных оттенков, которые были бы в состоянии если не уничтожить, то хоть сгладить столь бьющие в глаза противоречия? В самом деле: пристало ли монголам так заискивать у слабого соратника? Какими исторически известными нам фактами может быть объяснено такое, до унижения жадное, искание союзников, да к тому же в военной операции далеко не первостепенного значения? И почему рядом с таким сосредоточенным подтверждением своей непременной явки в срок монгольский государь тут же просит о присылке ему «со случаем» франкских диковинок? Об этом было бы уместно сделать приписку в конце такого письма к французскому королю, в котором последнему напоминали бы о его союзнических обязательствах помощи, в некотором роде оцениваемой подобным рядоположением. Исторически это было бы, кажется, ближе к истине.

Эти, хотя и совершенно пока априорные, соображения способны все же придать документу в принятой трактовке характер некоторого внутреннего неправдоподобия. Впрочем и автор последнего перевода не настаивает на правильности и даже сам ставит под знак вопроса, в числе некоторых других, и один очень важный пассаж в экспозитивной части письма, связанный с неясным словом ämegülbesü, а в этом-то пассаже, быть может, и заключается искомый ключ к преодолению высказанных затруднений в понимании главного тезиса всего письма. Обратимся поэтому к исследованию текста.

1) Вступительная формула и 2) поименование лица, посылающего документ

Mөnke tөri-jin küčündür
Xaγan-u suu-dur
Aryun üge Manu.

Начальная формула, как резюмирует Kotwicz, «касается шаманских религиозных верований монголов, заменяя некоторым образом обращение (инвокацию), принятое в документах других стран как европейских, так и ближневосточных. Оно имеет целью торжественно напомнить об источнике власти того, кто выпускает документ и, следовательно, от чьего имени он действует».

В этом отношении полезно припомнить соответствующие замечания Рашид-Эддина, в которых не трудно отделить славословия придворного льстеца от передачи доподлинных свидетельств современных живых носителей этих монгольских верований.

«Господь сделал чистое чрево Алун-гоа раковиной драгоценной жемчужины существования Чингис-хана и действительно существо его сотворил там из чистого света».[1]

«Эссенция всего есть Чингиз-хан».[2]

«Хотя Чингиз-хан был дитя и имел мало войска, но так как вечное предопределение и цель сотворения, в открытии и изобретении всех этих племен и ветвей, было — обнаружение возвышения и благоденствия Чингис-хана, то как могут противостоять тысячи сил Господину Счастья? Если бы племена Тайчжиютские обрели тайну этой мудрости, то они, в первую же пору младенчества и детского возрастания Чингиз-хана, взяли бы на шею цепь служения ему».[3] «От рода его с потомками явились ханы, господа счастья, и государи страшные свирепостью, из коих каждый был светилом благополучия и центром круга счастия».[4] «По мнению монголов, — ответственность на рассказчике, — у Алун-гоа из чистого чрева, без посредства брака и связи совокупления, родилось три премудрых сына... Потомки их по повелению — «порождение некоторых от некоторого» — стали бесчисленными ветвями...»[5]

Персидский историк имел недоступную нам возможность познакомиться с шаманской натурфилософией от живых просвещенных ее исповедников, и нет ничего удивительного, что мы не находим никаких следов ее в памятниках монгольской литературы, из состава которой до нас дошли исключительно произведения позднейшей эпохи, эпохи буддийской культуры.

[1] Рашид-Эддин. Сборник летописей, пер. И. Н. Березина, Тр. ВОИАО, ч. 13, 14, СПб., 1868, стр. 8.

[2] Ibid, стр. 9.

[3] Ibid.

[4] Ibid., стр. 20.

[5] Ibid., стр. 7, 27.

О «божественном» происхождении чингисова рода от Алун-гоа монгольская летопись повествует не только не в выспреннем стиле исповедания веры, но скорее трактует дело как поэтический вымысел: «По смерти мужа Добо-Мергена» — рассказывается, например, в «Alтan tobči»[1] — Алун-гоа, будучи вдовой, родила однако же трех сыновей: Бектера, Бельгетея и Бодончара. Тогда старшие сыновья ее, Бого-Хатаги и Богочи-Сальчжид, стали говорить между собой: у нас тут и близко-то никого нет — откуда же взялись эти дети? Узнавши про эти их разговоры, Алун-гоа говорит им: Дети мои! Ваш трезвый взгляд на меня справедлив, и с этими словами дала двум своим сыновьям по прутику. Те по-одиночке прутики переломили, но когда она, затем, дала им штук по-пяти прутьев, то они уже и не смогли их (в пучке) переломить. «Вот на это самое похожа и сила у вас пятерых», сказала Алун-гоа и продолжала: «Бывало темною ночью месяц, обернувшись малюткой-мальчиком, входит ко мне, и тогда в юрте у меня восходит заря. Погладит мое чрево и — как уходить ему — обернется желто-пегой собакой и уходит через правую половинку двери, облизывая языком рот свой. Из этого-то, по зрелом обсуждении, я заключаю, что эти дети ниспосланы Небом и от Него».

Иначе говоря: прежде всего — не ссорьтесь между собой и вашими сводными братьями, ибо в единении сила; а происхождение этих малюток — дело хотя, может быть, и сверхъестественное, но второстепенное.

Напротив того основная концепция шаманской натурфилософии, как она представлена, например, у такого блестящего исследователя древних восточных религий, как Сенковский, — концепция о Небе, о Свете, Эфире,[2] как об извечной силе, лежащей в основе материи, как нельзя лучше освещает и дополняет замечания по этому вопросу Рашид-Эддина, по которому точно так же основная суть монгольского шаманизма (который он, впрочем, по долгу мусульманина не считает верой) в признании этой изначальной творческой силы (Света или Неба), а потом уже — в некоем обоготворении цезарей, как его носителей, его «эссенций» на земле.

Это же верование в силу Небесного Света (Tenggri-yin kücün) и, скажем, — в императорскую светоносность (suu) и запечатлено в нашей начальной формуле.

Мы будем, вероятно, не далеки от истины, если и монгольские слова «tenggri» и «suu» (как и санскритские «swar» — небо, «suu» — «прекрасный», «suwa» — «свет»; как и русское — «св-ет») будем рассматривать как

[1] A. t., стр. 106 (по позднееву, Хрест.).

[2] Сенковский. Сочин., т. VII, стр. 1—75, passim (изд. 1859, СПб.).

синонимы, как звуковые эквиваленты одного и того же общешаманского представления о небе, воздухе, свете, эфире и вместе о некоей вечной красоте, счастии, силе и т. п. В монгольском мы имеем длинный ряд синонимов в области этого понятия: suu (или süü[1]) ~ sür ~ gegen ~ jibxuɬang — «свет, эфир, величие»; «ge» — «чистый», «прекрасный»; «gei» — «свет»; «kei»[2] — «ветер» и множество дериватов по отношению к этим последним.

«Teng» — «равновесие» (и как закон равнов.) < «tengge» — «сила», «мощь», «деньги», < «tenggege» — «сила» < «tenggeligün» — «бодрый», «ясный» (стареп) < «tenggis» — «море» (подобие неба) «tenggerekü» — «уравновешиваться», «поправиться», «завидеть свет» и т. п.

Если «suu» ~ «gegen», то «sür» (√*su — ~sü + r, signum participii) — значит «светозарный», «величавый», а отсюда — «surxu» — «учиться», «просвещаться», «surtaɬ» — «ученье», «идея» («ученье — свет» . . .) и т. п.

«Gegerel» и «surxui» — синонимы и в новейшем языке. «Gegen» — «свет» и «понимание», «разум»: «Bida aɬaju ülü čidamui-ja: xaγan gegendegen ayiɬad! gebe', т. е. «мы не в силах его прикончить: вы, хан, справьтесь уже своим разумом — сказали они.[3]

«Sür jibxuɬang-iyen üjegülkü» теперь означает «выявить свою блестящую мощь» (так передаются наши слова: «демонстрация», «демонстрировать»).

Раз монгольская инвокативная формула справедливо признана эквивалентной европейским, например, начальным инвокациям, вроде «с нами бог» и т. п., то нет более оснований передавать ее монгольский signum locativi «dur» — творительным, т. е. переводить по старой традиции «Силою вечного Неба» и т. д., вместо того, чтобы, в соответствии с вышеизложенным дать более точную ее передачу, а именно: «Пред лицом (во имя) вечной силы Неба и святейшества императора».

С другой стороны, нельзя не оценить и благоразумного уклонения от перевода термина «suu», для которого, — в данной связи в особенности, — так трудно найти европейский эквивалент.

Далее, нельзя не присоединиться к заключению тех исследователей, которые считают слова «Arγun öge Manu» относящимися к вступительной формуле и даже, более того, — находящимися в прямой логической и грамматической связи с инвокацией «Möngke Tengri-yin küčün-dür, Xaγan-ı suu-dur», — в виду нижеследующих соображений.

[1] Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского языка . . . . стр. 169.

[2] Японск. «ki» — «огонь», «свет».

[3] См. Гасер-хан, стр. 70.

В дальнейшем изложении я постараюсь показать, что весь документ (кроме заключительной, «реестровой» части), в синтактическом отношении, представляет совершенное единство: это одно, искусно зажатое между двумя частями инвокационной формулы, предложение — период, в котором самое письмо составляет вводное предложение между словами öge Manu... Tngri-yin Küčün, Xaγan-u Suu medetügei!, при этом слово Aryun равносильно собственноручной подписи в европейском документе, «вводное» предложение, как и всякое предложение типа дополнительных, поставлено в винительном падеже причастия (sign. accusat. i ~ yi), всякая же впереди стоящая часть предложения, по основному закону монгольского синтаксиса — аттрибутивна по отношению к последующей.

Иначе говоря, документ составлен по следующей (вероятно, трафаретной) схеме:

Möngke Tngri-yin Küčun-dür,
Xaγan-u Suu dur
(Nere, Aryun) öge Manu:
(door-a ögölekü) ~ yi
Tngri-yin Küčun,
Xaγan-u Suu medetügei!

т. е. «Да соизволят Вечная Небесная Сила и Императорское Величество на (нижеследующее) Слово Наше (слово того, кто есть — имя рек — Аргун) для (пред лицом) Вечной Небесной Силы и Величества Императора.

С этой точки зрения я возражал бы и против отождествления слов «öge» и «bičig» (строка 3 и 31), как это делается, повидимому, в цитированной работе Kotwicz'a.[1] В начальной формуле говорится именно о словах Аргуна, а не о письме только, упомянутом лишь в заключительной («реестровой») части документа.

Будет уместно здесь вспомнить слова Решид-Эддина[2] по поводу древних монгольских дипломатических обычаев:

«Монгольский обычай в древние времена был таков, что по большей части известия передавались словами (т. е. изустно), словами, искусственно рифмованными и трудно понятными».

Как пережиток этого обычая, но и не только как один лишь пережиток, в начале писем иль-ханов ставится слово «öge». (Слово Наше),

[1] Op. cit., стр. 25.
[2] Р.-Э., op. cit., стр. 119.

а не письмо Наше, и лишь в конце документ (бумага) назван, как тому и подобает, письмом. Главное дело было, повидимому, вовсе не в нем, не в «bičig», а в «öge Manu», т. е. в тех личных словах и речах хана Аргуна, которые он поручал сказать от его имени многочисленным членам своего посольства к французскому королю, и к которым этот «bičig», этот письменный документ, являлся всего лишь «препроводительной бумагой», как выражаются в современном официальном языке. Монголы в основном, как видно, оставались верны своему стародавнему степному обычаю, лишь подвергнув его естественному усовершенствованию, сообразно с новым своим великодержавным положением: главное передавали на словах послы от имени пославшего их, самое же письмо оставалось столь же почти лаконичным и «мало понятным», как и древние посольские словесные шифры — шарады «искусственно рифмованные»; новым являлось также, быть может, только пышное, многочисленное посольство, как символ величия пославшего, да сопроводительное письмо — «bičig», — как спутник культуры новых веков, который являлся, в сущности, чем-то в роде современных паспортов или верительных грамот, а вместе с тем краткой письменной директивой посольству в дополнение к пространному словесному наказу.

В дальнейшем мы должны будем еще вернуться к этому вопросу в связи с разбором заключительной части, изложения «обстоятельств дела» (expositio) нашего документа.

3. Inscriptio (надписание адресата)

Чтение «Irad Barans-a», т. е. «Au roi de France», где *a* понимается как signum dativi, все, вероятно, признают безусловно правильным и аргументацию Kotwicz'a исчерпывающей.

4. Expositio

Изложение дела занимает в письме $27^1/_2$ строк (со стр. 5 по середину строки 31) и разделяется на две главные части: а) изложение главного дела (стр. 5—24) и б) изложение второстепенного дела (по-нашему «приписка», «à propos» или «post-scriptum»).

В свою очередь часть первая делится у Kotwicz'a на четыре звена: 1) цитата слов французского короля; 2) Аргун назначает срок выступления и прибытия в Дамаск монгольских войск; 3) Аргун подтверждает второй пункт и, в случае успеха, обещает франкам Иерусалим и 4) Аргун просит не беспокоиться по этому же вопросу.

В монгольском тексте эта часть письма состоит всего из двух сложных предложений, разделенных между собою словом «edüge» — «теперь», «а потому» для обозначения того, что оба, сводясь к синтактическому единству, ставятся между собою в темпоральную или темпорально-каузальную связь. Так же, как и монголы, ее делим и мы.

В первом звене затруднение представляло прежде всего слово «nmduni», которое с первого же взгляда поражает своим почти литтеральным сходством с русским «н а м е́ д н и», где под ударение попал лишь редуцированный слого-образующий гласный (nmduni ~ namduni ~ namdani, причем последнее — после обычного конечного метатезиса, как, напр., в словах terge ~ tereg, ečige ~ ečig ~ ečeg и т. п.). «Намедни» и значит: «ужо», «недавно», «несколько времени тому назад», причем темная этимология этого слова, напр., у Даля — «оными дни» — мало кого в состоянии удовлетворить.[1]

Очень возможно, поэтому, что и здесь мы имеем дело с одним из случаев глубоко освоенных монгольских заимствований, как в словах: «турить», «протурить» < монг. «türikü» — «гнать», «выталкивать», «кремль» < монг. «kegem» — «степа» и т. п.

Одним из многочисленных значений слова «nam» и является — «уже», иначе: «ужо», «недавно», «намедни», «некоторое время тому назад», — но только уже теперь исключительно в разговорных диалектах, в частности — в калмыцком,[2] тогда как в монгольском письменном остаются только производные от него: «nam-na-xu» — (стрелять) на скаку, т. е. через короткие промежутки времени; «nam-u-r» — «осень», т. е. короткий промежуток времени (между теплом и холодом, в условиях исконных монгольских кочевий почти незаметный) и др.

В таком случае «namduni» действительно значит «намедни», «недавно», вне всякой зависимости и связи со случайным, быть может, и литтеральным и смысловым тождеством с русским «намедни», — являясь довольно обычным временным наречием, имеющим формальный признак (как и большинство таких наречий) signi dativi v. temporalis, с прибавлением личного притяжания «anu ~ inu ~ ni ~ n-i, чему полную параллель, если не тождество, можно наблюдать в современном халхасском разговорном — «nidunun (jil) — «прошлый год», «в прошлом году» > nidun inu ~ nidunin ~ nidunun.

[1] Такая этимология скорее могла бы еще как-нибудь быть увязана с осваивающими дериватами этого явно заимствованного слова, как то: «онадысь», «онамнясь».

[2] А. М. Позднеев. Калмыцкий словарь, стр. 64.

Трактовку «namduni» как dativus pronom. personalis + ni, т. е. «мне ихнему» надо оставить, как неприемлемую в данном случае: не говоря уже о других соображениях, которые можно бы привести, здесь во всяком случае стояло бы по смыслу «Mandu» — «Нам», а не «Namdu» — «мне». D-r Kotwicz был, таким образом, весьма близок к такому же истолкованию слова «namduni», когда высказывал догадки: «может быть здесь надо читать «Manduni», т. е. Нам, или же предположить здесь какое-нибудь наречие времени, или иное что в смысле, напр., «недавно», «некоторое время тому назад», хотя никакого такого наречия в настоящее время и нет в употреблении».[1]

Требует, далее, некоторого пояснения слово «öčikü», которое значит не просто «говорить», но «говорить к старшему», т. е. «докладывать» ‹«öčig» — «ответ», «показание на допросе».[2]

Эта маловажная с виду поправка способна, однако, серьезно влиять на понимание тона, который принят в письме по отношению к французскому королю: последний (или послы его) может Иль-хану только «докладывать» на подобие вассала. Это очень характерная особенность, напоминающая совсем еще недавнюю претензию китайских императоров величать европейских суверенов титулами своих вассалов.

Остается сказать несколько слов о сочетании «öčijü ilerün», в частности о форме на -run и о способах обозначения времени в монгольском письменном.

Суффикс -run, относимый нашими классическими грамматиками к деепричастным формам,[3] представляет в действительности архаический participium praes. (доселе активный в тюркских наречиях), с суффиксом — r + anu ~ inu ~ ni (~ bolbasü), а именно: öčir-inü › öčir-ni › öčir-in (после обычного метатезиса) › öčir-ün (после замены слогообразующих i ~ u ~ ü).[4]

Таким образом синтактический комплекс «öčijü ilerün» формально вполне тождественен с сочетанием «öčijü ilegsen-i» (в том же пассаже письма), которое, в свою очередь, смотря по контексту, может быть понимаемо: 1) как öčijü ilegsen-ni ~ ilegsen-i и 2) ilegsen-i (где i-signum accusativi).

[1] Op cit., стр. 25.

[2] Б. Я. Владимирцов. Сравн. грамм., стр. 406, а также «Altan tobči» (по изд. Позднеева), где примеры (стр. 118, 119) öčikü ~ ayiladxaxu.

[3] Бобровников. Грамматика, деепричастие приготовительное, стр. 142. Ibid. «öčir-ün» — «доложив»

Kotwicz, op. cit., стр. 22: «voyelle thématique» или «voyelle de liaison».

Самое сочетание «öčijü ilebei» следует переводить «послал сказать, доложить», по аналогии с такими сочетаниями, как напр. «tesčü yadabai» — «не мог терпеть», где адвербиальная форма с суффиксом — ju является, с нашей точки зрения, псевдо-адвербиальной, в точности соответствуя нашему infinitiv'y.[1]

Наконец, по вопросу о способах выражения времени в монгольском мы также ограничиваемся здесь лишь общим замечанием, что 1) так наз. окончательными, простыми формами (с суффиксами-mui,-yu,-ba,-ɬaγa,-juxui) время выражается настолько неустойчиво, так сказать ориентировочно, что почти все они могут (в зависимости от контекста) показывать любое время; что 2) точная фиксация времени достигается лишь употреблением сложноглагольных или многосложных глагольных форм, т. е. особого рода синтактических приемов, с привлечением многоразличных вспомогательных глаголов и что 3) адвербиальные формы с суффиксами-n,-ju и-γad, имея назначением a) служить формами связи в двух-трех и много-членном глагольном синтактическом комплексе (первые две); b) служить сказуемым придаточных предложений временной и причинной связи и c) обычными сказуемыми, равносильными окончательным формам, в сложной периодической речи, — сами по себе не в состоянии показывать времени, а заимствуют таковое от конечной в периоде окончательной формы.

По вопросу о спряжении окончательных форм необходимо иметь в виду, что одни и те же суффиксы служат в монгольском для выражения как личных, так и безличных оборотов.

Необходимо подчеркнуть также, что уже в первом абзаце изложения дела четыре раза регистрируются явления, свойственные западномонгольским диалектам (namduni, mörilebesü, sarada, öbül-ün) и влияющие на орфографию документа в сторону «отклонения» ее от «классических» (восточно-монгольских, позднейших) норм.

После изложенных пояснений перевод первого абзаца «изложения дела» представится в следующем виде:

Что касается до речей, которые ты только что присылал сказать через своих послов, Маг Bar Sawm-a saxur-a с товарищами, то переданное в докладных речах по твоему поручению в части, касающейся «и мы-де выступим отсюда и присоединимся, если иль-хановы войска пойдут на Египет», — одобрено и отвечено, что выступаем, помолясь Небу, в последнем зимнем месяце года Барса и остановимся в Дамаске 15-го числа первого весеннего месяца.

[1] Подробнее об этом в специальной работе «Синтактические характеристики».

Переходя затем ко второму абзацу, необходимо прежде всего отметить, что главнейшим камнем преткновения в его дешифровке до последнего времени являлось поставленное в 22-й строке слово «ämegülbesü». В комментарии Wł. L. Kotwicz'a история этого вопроса представлена в следующем виде: «Читалось это слово различно. Шмидт читал «ergigülbesü»; Abel — Rémusat, а за ним и Позднеев, читали «amegülbesü», но без указания, как следует произносить. Вероятно они не умели объяснить, что обозначают две черты в начале слова. Что касается меня, то я в своей статье предлагал два варианта: «nemegülbesü» и «emegülbesü». Позднее я представлял себе еще и третий вариант: «egegülbesü». М. Клюкин остановился на выборе «nemegülbesü», т. е. «если прибавят».

«По зрелом обсуждении и взвесив все возможности, я смотрю на вариант «emegülbesü» как на самый достоверный: отсутствие точки околоначального зубца, заставляет усматривать здесь скорее ä, нежели nä, а m — идентично с таковым же в слове k e m e n, которое встречается м н о г о р а з на протяжении письма. Возникает, однако, затруднение, которое я уже отметил: в монгольском не засвидетельствовано существование глаголов e m e-, или e m e g ü l-. Но это затруднение не следует преувеличивать. — Мы имеем в монгольском слово «emgeg» — «повреждение», «увечье», «боль», существующее в том же значении и в тюркских диалектах (Radloff, Wb.: Anstrengung, Qual, Leiden; Bong-Gabain, index: Schmerz); мы здесь имеем также глагол ä m g ä — gequältsein, sichplagen, откуда очевидно происходит mo ä m g ä g. Все эти слова должны иметь общее происхождение с тюркским корнем: äm-; mo: eme сохранилось однако только в словах деривативных».[1]

Таким образом, по W. Kotwicz'y, ämegülkü ~ emegülkü происходит от $\sqrt{}$* äm ~ em, посредством приставки к нему побудительного суффикса-gül и значит — «причинить боль».

Однако последняя из приведенных этимологий возбуждает не меньше сомнений, чем все предыдущие. Дело в том, что монгольское слово «emkeg» (а не «emgeg», как неправильно его читает Ковалевский)[2] явно происходит от $\sqrt{}$ömk ~ ümk-, мо. emk-ü-kü ~ ömk-ü-kü (калм. ümq-ü-qü ~ ümq-i-qü — «держать во рту», «захватить в рот», «закусить», «сжимать», «мять»), откуда производные халх.: emkü ~ ömkö ~ ümkü — «кус», «укус», «кусок»; ömkügülkü ~ ämkügülkü[3] — «велеть жевать», «велеть м я т ь»; emkeridkü ~ ömke-

[1] Kotwicz, op. cit., стр. 25. *С. К.*

[2] Словарь, стр. 220.

[3] Позднеев. Калм. сл., стр. 59.

ridkü — «обрубить», «обшить».[1] В свою очередь первообразным корнем или основой приведенного корня является слово «Am-a» — «рот».

Еще А. Бобровников заметил, что «в монгольском языке иногда слова могут переходить из одного звука в другой, не теряя значения», напр., getüle- и γatuła- «переправляйся», edüge и odo; xamaa от √ken и др.[2]

С тех пор, после работ Kotwicz'a, Раметеда, Руднева, Владимирцова, Поппе и других исследователей, мы ушли настолько далеко в монголоведении, что давно уже установили как норму, что перегласовка, перезвучание, т. е. перенесение корней заднего ряда в передний и наоборот происходит не иногда, является не случайным феноменом, а постоянным явлением в монгольском языковом творчестве, и служит не для сохранения за ними того же значения, но для создания нового, смежного со старым семасиологического ряда. Некоторые исследователи пытались даже, как например Б. Я. Владимирцов, уловить и самый принцип этой закономерности, выделив какой-нибудь общий признак производимой в данном случае языком классификационной работы. Такой признак он усматривал в той степени социальной значимости объектов, какую им как-будто бы усваивает языковое мышление. При этом объекты меньшей социальной значимости выносятся из заднего (мужского) ряда в передний (женский), так напр.: aχa-eke, abai-ebei; ajai-ejei ~ awa — ewe и т. п.

С своей стороны я обращаю в данном вопросе внимание на разительное сходство двух процессов: генетического, социального процесса — в выделе на сторону родов, колен, кланов, поколений и тому подобных социальных единиц в родовом строе и социальном сознании монголов-кочевников, — и процесса речетворчества, языкового сознания — в таком же выделе на сторону путем перезвучания или перевода данного корня в другой ряд для развития и размножения смежных понятий. Оба процесса перекрещиваются в одном и том же сознании, идущем сначала по двум параллельным линиям — сознания языкового и сознания социального, — причем взаимное влияние двух процессов не может подлежать никакому сомнению.

Следы аналогичного процесса можно наблюдать и в нашем речетворчестве, например по линии звукоподражательного примитива жр- жр-а-ть› жар (огонь жрет) › жертва (божество жрет), где, кажется, и тот же метод переключения из гуттурального ряда в палатальный.

[1] Это и было бы искомое у Kotwicz'a (см. словари: Ковалевский, стр. 220, 540 и Позднее стр. 59).

[2] А. Бобровников. Грамматика, стр. 189.

В какой мере изучение фонетической стороны этого процесса уже значительно продвинулось вперед, в такой же мере семасиологическая его сторона почти не затронута и ждет своих исследователей.

К предыдущим замечаниям надо лишь прибавить о констатируемой последовательности в перезвучании монгольских гласных, которое дает примерно такой ряд: a>ä>ē>i>ō>o>u или точнее: ā>a>ä>e $\begin{cases} >ē>i>u>u>o \\ >ō>ū>u>o \end{cases}$

Так как переключение гласных из ряда в ряд возведено в широкую систему и таким образом охватило значительную часть языкового мира (способствуя при этом сохранению неустойчивого и неполного звукового состава гласных и тем самым создавая благоприятнейшую почву для развития многочисленных говоров и диалектов), можно легко представить себе, какие величайшие затруднения должен был преодолеть монгольский письменный (вернее общемонгольский) язык, пока, в нивеллирующей борьбе с влияниями живых диалектов, а также и уйгурскими орфографическими и языковыми традициями, не выработал к XV—XVI столетиям свой устойчивый лексический состав, свой единообразный синтаксис и, главное дело, свою более или менее устойчивую и твердую орфографию. Однако и доселе мы не забываем практического правила пользования монгольским словарем: в сомнительных случаях перепробовать все возможные огласовки слова...

В нашем вопросе я придерживаюсь версии тех исследователей, которые остановились на чтении «ämegülbesü», как-будто бы возведя это слово к основной теме am ~ äm, не сделав, однако, из этого факта всех дальнейших необходимых выводов.

Чтение «amegülbesü» подводит собственно к $\sqrt{\text{ama}}$ ~ äme ~ eme. Но это еще не первообразный корень, не основа: здесь еще явно чувствуется пока суффиксная тема — m a, а, следовательно, этот ряд восходит к $\sqrt{\text{am}}$ ~ äm ~ em > am-ma — «рот», «личность», «счетная душа»; «em-me» — «женщина» (idem). Оба эти слова несомненно суть дериваты звукоподражательного примитива * a m — «жрать», «кусать», откуда: «am-a» — «рот» и äm ~ em (путем перегласовки) — «лекарство» (то, что вкушают на помощь, для защиты); äm-ü-s-kü ~ em-ü-s-kü ~ öm-ü-s-ku — «одеваться» (т. е. защищать себя, помогать себе). Öm-ü-g ~ äm-ü-g ~ em-ü-g — «помощь», «подмога», «auxilium», «вспомогательное (войско)»;[1] «ömögleкü» — «помогать»; «ömogerekü» — «помогать», «защищать» и т. д. Но суффикс — γ ł a есть только мутация (по правилу обычного метатезиса) суффикса — γuł: — ł γa ~

[1] Коваленский. Словарь, 537.

γa ~ xa ~ γul. A, следовательно, «ömögülkü ~ ömöglekü» — «помогать», «оказывать помощь». В нашем случае: čerigüd-iyen ämegülkü — «заставить свои войска оказать помощь», «прислать в помощь свои войска», о чем только и идет речь во всем документе.

Однако во втором абзаце письма мы встречаемся и с другими затруднениями, которые, впрочем, оказались таковыми лишь потому, что их не заметили или слишком ими пренебрегли.

Выше было подчеркнуто замечание о том, будто бы слово kemen встречается в тексте письма много раз. В действительности это подобие нашего союза «что», «чтобы» встречается здесь три раза, если не причислять сюда и kem (в 22 строке). В действительности подобное сокращение гл. формы от kemēkü нигде не засвидетельствовано и по существу невозможно, имея в основе не kem-, а keme-. В данном случае надо, по моему мнению, читать gem, которое является одним из сравнительно редко встречающихся в монгольском письменном суффиксов условного деепричастия, таким же, как -basu, -baɬa, -xuɬa, -xuɬani.

В нашем пассаже четыре раза употреблена условная форма: «abubasu», «ögiy-e gem», «ämegülbesü» и «genübesü», причем все они нагромождены в конце периода. Такое положение, по синтактическим соображениям, заставляет видеть здесь, кроме формальных также и семасиологические варианты этих адвербиальных форм.

Условные предложения в монгольском письменном инкорпорируются посредством ряда деепричастных форм, мутации которых, повидимому, были некогда связаны отчасти и с временными показателями сдвоенных суффиксов этих деепричастий, и разделяются на условные и псевдоусловные.

Суффиксы -basu, -baɬa и -xuɬa восходят к формам прошедшего и будущего времени с присоединением, в качестве семасиологического показателя, sign. comitativi или exitivi, которые обозначают, что действие совершалось или совершится вместе при (comitat.) данном условии, или исключая из (exitiv.) все прочие условия — при данном.

Суффиксо-образное adverbium «gem» — «скажем» в монгольском письменном[1] наращается, повидимому, на все окончательные формы (кроме praesentis), включая и императивные, и пишется то вместе, то отдельно от глагольной формы, которую сопровождает: «Čiči tere metü xaγan boɬbagem, ene širegen degere saγu!» или: «Nigen keüked edür büri eyimü boɬtxu

[1] Форма эта в наших грамматиках, насколько известно, не отмечена вовсе. Между тем мною лично она зарегистрирована даже в разговорном халхасском.

ɬotba gem, bodisatva burxan metü sanaya!»,[1] т. е. «Если ты стало быть такой хан, то садись на этот трон». — «Если случилось, что ребенок может делаться таким повседневно, то, согласитесь, он подобен бодиса(тве) или будде».

Псевдо-условными оборотами мы называем такие сочетания условных деепричастий с глагольной или именной формой, в которых деепричастия эти непосредственно предваряют глагольное или именное понятие о долженствовании, соответствии, целесообразности, полезности и т. п., напр.: temdeglebesü jokimui» — «следует отметить»; ««bügüdeger xopiraca du oroγułbasu ašiγ boɬxu yabuɗali taniγułumui»[2] — «мы ознакомим всех с выгодностью вступить в кооперацию». — Bügüde nayiramdaxu arad-un jasaγ-i bayiγułbasu joxibaču, ... Boγda xaγan-i kemjiyetü erketü xaγan-dur ergümjilebei»[3] — «Хотя и надлежало организовать республиканское правительство, но возвели Богдо-гегена в конституционные монархи».

Такие сочетания не мыслятся как условные и не могут быть (без крайней и ненужной натяжки) переводимы по-русски иначе, как формою неопределенного наклонения. Таковы именно и две последние деепричастные формы в нашем казусе.

Наконец, необходимо отметить, что и здесь в орфографии резко сказывается влияние разговорных диалектов и скорее именно западных; таковы: tngri-de, ämegülbesü (ср. калм. ämtä, близкое в произношении узких ä — ö; напр. в слове Öljeitü ~ äljätä и т. п.).

Возможно также, что два зубца в начале этого слова показывают вариант неустановившейся еще древней орфографии: для гласных ä ~ ē также присваивается коронка, как и для всех прочих гласных, что делает их отличными от a ~ ā только по смыслу, по контексту, а не по их написанию.

После всех изложенных пояснений текст второго абзаца деловой части документа должен быть переведен следующим образом:

«В таком случае (теперь), раз вам отдадут Иерусалим, если только вы, верные своему честному слову, в установленный срок пришлете свое вспомогательное войско и если с божьей помощью покорим те народы, то к чему нужна запоздалая помощь и что пользы в позднем раскаянии (букв.: „то с чем сообразно будет присылать в помощь войска, опаздывая против назначенного срока и какой прок задним умом каяться“)?»

[1] Biγarmijid xaγan-u namtar ..., Улан-Батор, стр. 5, 17.
[2] «Пятилетка Монголии», стр. 149.
[3] Н. Н. Поппе. Учебник, 1932, стр. 161.

Научная библиотека КНИИ РАН

На этом собственно кончается деловая часть документа (сопроводительной бумаги). Третий абзац, начинаясь со слова «basa» и касаясь совершенно посторонних, мелких вопросов, представляет именно post-scriptum перед заключительной (реестровой) частью письма.

Однако и в этом абзаце встретились очень серьезные затруднения, и именно в понимании смысла пассажа: «ali bar kelen aman elčin-iyen jigür-e ayuljan...» С моей точки зрения, затруднения пошли еще глубже недостаточно взвешен вопрос о том, о чьих именно послах здесь идет речь о послах короля или послах иль-хана. Все исследователи почему-то выбрали первых, без всяких при этом оснований. Между тем речь идет, повидимому, именно о снаряжении иль-ханом своих собственных послов, которые везут к королю и наше письмо и, разумеется, имеют всякого рода словесные поручения. Странно было бы предполагать иначе: выходило бы, что иль-хан озабочен тем, как именно король будет снаряжать свое к нему посольство, что и неуместно и нелогично и несообразно с выявленным тоном письма, которое, как видим, является далеко не искательным. В сущности в нем сказано, переводя с эзоповского дипломатического языка на обычный: вы, франки, хотите прислать нам вспомогательное войско. Что же? Отлично. Вот вам точный срок и место явки, но помните: запоздалая помощь также никчемна, как и позднее раскаяние, т. е. помните, что «после драки кулаками не машут»: об Иерусалиме, в случае несвоевременной явки, и не мечтайте.

Далее идет речь о франкских новинках и безделушках, которые просят прислать и обещают отблагодарить за эту услугу, не более и не менее как-будто бы важную, чем франкское вспомогательное войско для победивших мир монгольских армий.

Таким образом, письмо дышет скорее высокомерным издевательством, чем заискиванием, которое чувствовалось в прежних его трактовках. А последняя фраза о «заднем уме» как будто бы прямо заимствована из нарочито придуманных монгольских стихотворных строф, о которых рассказывает Рашид-Эддин.

Переходя, наконец, к post scriptum'у или 3-му абзацу изложения дела, остановимся на сочетании «ali bar kelen aman ilčin-iyen jigür-e ayuljy», которое оказалось настолько затруднительным при дешифровке, что и последний перевод этого пассажа поставлен у Kotwicz'a под знаком вопроса. История чтения его такова:[1] «По справедливому замечанию

[1] Kotwicz, op. cit., 27—29.

М. А. Богданова это наиболее неясный пассаж во всем письме Аргуна. Шмидт его переводил: «Tribut... bringend», заметив, что ему непонятно слово «jigür-e». М. Клюкин: «спрашивая экстренно»; М. Богданов: «со всею поспешностью». M. Pelliot также имеет свои предложения, которые он до сего времени не высказывает по тому соображению, что, «при отсутствии других аналогичных фраз, ни его предположения, ни предположения других ученых, не имели бы веса». Соображение Pelliot полностью оправдалось. С абсолютной достоверностью загадку этих слов нельзя разгадать до тех пор, пока не будут обнаружены подобные же выражения в других монгольских источниках. Точно так же и я (Wł. Kotwicz), лишь в качестве гипотезы, отмечу два обстоятельства. Слово «крыло» имеет во многих языках значение — «покровительство», «защита». В османском языке в этом именно смысле употребляется слово qanat. Такое же самое значение оно могло иметь и в монгольском, отчего слова jigür-e ayuɬyan могут значить «отдавая, ставя под покровительство». Однако это допущение не удовлетворяет меня самого: странно, что в лаконическом официальном документе заявляют не только о том, чтобы подарки были посланы через послов, но еще и чтоб они были вверены их охране (попечению, заботе). — Mojigür значит не только крыло птицы, как это справедливо на сей раз заметил М. Клюкин, но также и «фланг», стороны других объектов. Таким образом, jigür может быть приложено и к боковой двери, в отличие от главной; может относиться также к второстепенным, после главного, функционерам. Так известен титул: jigür-ün sayid, означающий «вице-министр» (по-китайски che-lang). В таком случае не может ли jigür-e ayuɬyan значить «ставя сбоку», «помещая на втором плане», «давая дополнительное поручение»? Тогда это выражение находилось бы в такой тесной связи с kelen aman ilčin, как я эту фразу понимаю: т. е., что Аргун заявляет, что он не требует, чтобы ему посылали подарки со специальными послами, но с теми, которым будет поручено доставить ему какие-нибудь новости, иначе говоря, он просит послать ему подарки, когда представится случай».

Не меньше забот причинили, в частности, слова «ali bar kelen aman», которые Шмидт, а за ним и Клюкин, понимали как «gesandte von allerlei Zungen und Sprachen». Kotwicz, справедливо заметив, что монголам, совершенно очевидно, незачем было задумываться о национальности тех послов, которых к ним пошлют, тем более, что они всех европейцев представляли себе франками, — сопоставляет «ali bar öges» письма Öljeitü с «ali bar kelen aman» Аргуна, а затем, установив, что у Санан-Сецена выражение

«kelen aman ügei görügesün» значит «бессловесное животное», кончает предложением переводить: «послов с новостями», так как «возможно, что в XIII веке существовал специальный термин для обозначения послов, коим поручали сообщать новости».

Уже post factum ознакомившись с историей чтения этого пассажа, я и в данном случае не нахожу возможным отказаться от своего проекта решения вопроса.

По обыкновению (переноса слов из ряда в ряд) слово «jigür-e» «в крылья» родственно с «jaγur-a» — «между», так как оба восходят к одному и тому же √*jau ~ jai — «край» и значат собственно: 1) jigür — крылья (то, что у птицы по бокам — краям) и 2) то, что между краями — jaγur — «промежуток» (то, что между к р а я м и) и locativ. — «в промежутке», «м е ж д у». «Aγuɬxu» — буквально значит «заставить пить», «впитывать», «напитывать», «заряжать», «снабжать», «инструктировать», «распределять поручения» и т. п. Таким образом, «kelen aman aγuɬxu' — «давать словесные поручения». «Kelen aman ilčin» — «посол для словесных поручений». «Ali bar kelen aman ilčin» — «посол для всяких словесных поручений». «Kelen aman jigür-e aγuɬxu» — «облечь в словесные крылья», т. е. вдохновить, дать точный наказ, наставить, научить. Отсюда: «Kelen aman ilčin-iyen (kelen aman) jigür-e aγuɬxu» — «словесных послов своих в словесные крылья облечь», т. е. инструктировать послов своих, служащих для словесных поручений.

Почти буквально тот же смысл фраза имеет и в том случае, если мы предположим, что в виду неустановившейся еще в XIII в. прочной орфографии (или принадлежности составителя документа по языку к одному из западных диалектов, в устах которых слова заднего ряда очень часто звучат так, как если бы они были словами переднего ряда, напр., калм. «šämnär ~ халх. «šabinar») написание jigür-e ~ jaγur-a. Тогда будет: «распределяя всяческие словесные поручения между своими послами».

Действительно, фигуральный оборот «jigür-e aγuɬγan» — «окрыляя» не обычен для известных нам текстов монгольского письменного, но формально он нисколько не невозможен, и тем легче мог быть заимствован из персидского, например, что в контексте допускает и иное, показанное выше, чисто монгольское чтение: «ilčin-iyen jaγur-a aγuɬγan» — «распределяя между своими послами . . .»

Но сущность дела в том, что, как правильно отмечал Kotwicz, иль-хану незачем было озабочиваться не только национальностью, но (прибавлю я) и вообще способами посылки к нему послов из Европы: это, во всяком

случае, дело самих посылающих. А, следовательно, ясно, что здесь речь идет о способах инструктирования иль-ханом с в о и х послов: не перечисляя порученного другим, он только удостоверяет здесь, что сказать о подарках поручено именно стрельцу Müskeril'ю, который об этом, деликатном столько же, сколь и маловажном деле будет, следовательно, говорить не от себя, как мог бы кто-нибудь подумать.

Некоторое отношение к вопросу о сочетании «jigür-e aγuɬγan» может иметь следующий пассаж из maγtaɬ'a в Гесериаде: «γučin baγatur xuγur-yin kügˇ, xuɬusun-i üy-e metü učiraju bile! γučin boro mori bida šibaγun-u jigür metü učiraju bile!», [1] т. е. «Тридцать богатырей соединились-спознались словно звук лютни или коленца камыша. А мы, тридцать бурых коней, с о ш л и с ь-с п о з н а л и с ь с л о в н о п т и ч ь и к р ы л ь я». А значит монгольской народной поэзии и языку слово «крылья» свойственно как метафора «единства», «единомыслия». Это же понимание приведения к единству слов хана и его послов вполне приложимо и к нашему сочетанию «jigür-e aγuɬγan», т. е. «объединяя единой волей слова послов».

По всей совокупности изложенных выше соображений транскрипция [2] и перевод письма иль-хана Аргуна к французскому королю от 1289 г., представится в следующем виде: [3]

Mongke Tngri-yin Küčündür, Xaγan-u Suu-dur
Arγun öge Manu
Irad Barans-a.

Nmduni či, Mar Bar Sawm-a saxur-a terigüten, ilčin-iyer öčijü ilerün 'Jl-xan-u čerigüd Misir-ün jüg mörilebesü, bida bar endece mörilejü xamsay-a' kemen öčijü ilegsen-i činu jöbšiyejü, Tngri-yi jaɬbariju Bars jiɬ öbül-ün ečüs sara-da mörilejü, xabur-un terigün sara-yin arban tabun-a Dimiski baγuy-a kemebei.

Edüge, ünen öge-dür-iyen kürün, čerigüd-iyen boɬjaɬ-dur ilejü, Tngri-de mör ögdejü tede irge abubasu, Urisalim-i tan-a ögiy-e gem, boɬjal xojidaju čerigüd-i e megülbesü, yaγu joxixu, xoyin-a bar genübesü yaγun tusa?

Basa: Ali bar kelen aman ilčin-iyen jigür-e aγuɬγan, Berenggüd-ün γajar-un tangsuγ-ud šingküd ildeb önggeten gürüs ögču ilebesü, ker-be soyurxaxu-yi

[1] Гесер, стр. 126.

[2] Примененную в начале настоящего исследования транскрипцию Kotwicz'a заменяю принятой в СССР научной транскрипцией.

[3] «Заключительный протокол» оставлен без обсуждения и дан в переводе Kotwicz'a Пунктуация — моя.

Tngri-yin Küčün Xγan-u Suu medetügei!
kemen Müskeril xorči-yi ilebei.

Bičig Manu Üker jil jun-u terigün sara-yin jirγuγan xaγučid-ta Köndelen-e büküy-dür bičibei?

Даю перевод:

Пред (лицом) Силы Вечного Неба и Светлейшества (величества) императора —

Аргун. Слово Наше

Au Roi de France.

Что касается до речей, которые ты только что присылал сказать через своих послов Mar Bar Sawma saxur-a с товарищами, то переданное в докладных речах по твоему поручению в части, касающейся «и мы-де выступим отсюда для присоединения, если иль-хановы войска пойдут на Египет», — одобрены и отвечено, что выступаем, помолясь Небу, в последнем зимнем месяце года Барса и остановимся в Дамаске 15-го числа первого весеннего месяца.

Итак, раз вам отдадут Иерусалим, если только блюдя свое честное слово пришлете в назначенное место и срок свои (вспомогательные) войска и если, с помощью Неба, покорим те народы, то к чему запаздывать с помощью и какая польза в позднем раскаянии?

После дела (post scriptum): при распределении различных поручений между своими послами, Müskeril'ю — стрельцу приказано сказать, что очень обяжете присылкою франкских диковинок, новинок и разноцветных камней, — (и что на все сие) да будет воля Небесной Силы и светлейшества императора.

Письмо Наше написано во время пребывания в Köndelen-e[1] 6-го числа последней декады, первого летнего месяца, года Быка.

Как видно из приведенного перевода и вышеизложенных замечаний, я отказался последовать принятой традиции присоединения заключительной инвокативной формулы к последней фразе post scriptum'а о присылке франкских диковинок и самоцветов. Для меня представляется несомненным, что эта формула неуместна в подобной связи и что, следовательно, она как начинает, так равно и заканчивает документ, и в конце письма, — при помощи signum accusativi, относящегося ко всему письму, — призывает те же небесные силы на все дело переговоров, а не на случайное упоминание о самоцветах и т. п.

В правильности такого именно понимания дела окончательно убеждает меня присутствие точно такой же инвокации, только в несколько сжатом виде, и в конце письма Öljeitü-хана.

[1] Возможно, однако, что «Köndölen-e» есть наречие и значит «в стороне» (от дел), т. е. на покое, на отдыхе, на даче. Ср. Ковалевский. Словарь, стр. 2566, 2567.

Причины сокращения этой «шаманской» формулы у мусульманина Oljeitü достаточно убедительно намечены у W. L. Kotwicz'a. Однако неупоминание в формуле его об императоре может иметь, кроме религиозных, еще и политические мотивы, требующие своего выяснения.

Что касается до перевода выражения «kerbe soyurxaxu» словами «очень (всячески) обяжете», то таковой обоснован на соображении: √soyur ~ русск. пожалуй, пожалуй-ста (просьба) и его дериват √soyur-xa- ~ русск. пожаловать, быть благодарным, «обязанным».

То обстоятельство, что sign. accusativi (очень часто соответствующий слову «tuxai» — «относительно», «в отношении», «в отношении того, что...») в данном случае покрывает собою все предыдущее изложение (да ведает небо о том, что...), т. е. инкорпорирует придаточное дополнительное предложение, состоящее из всего предыдущего текста, — это обстоятельство и поныне очень характерно для монгольского синтаксиса в его всеми отмеченном стремлении к сугубой периодизации речи.

Термин «Tngri medetügei» передан как «да будет воля Неба» в том соображении, что √mede — дает ряд параллельных значений по линиям: «знать» — «ведать» (в смысле управлять, волеизъявлять); откуда, напр., «medel» — ведение (заведывание, управление, воля, право, преимущество); «erke medel» — права и преимущества (вольная воля).

В свете приведенных данных необходимо пересмотреть и наши сведения о структуре и самой технике составления монгольского дипломатического документа XIII—XIV вв.

Так как документ в конце не дает места подписи пославшего, то естественно предположить ее в начале. Вероятнее всего, что документ изготовлялся на подпись с пропуском места, для подписи, между концом начальной инвокации и словами «öge Manu», а также — с пропуском заключительной инвокации и заключительного протокола (регистрации), которые примерно так же, как и всюду в наше время, заполнялись после надлежащего скрепления документа подписью при его отправлении или передаче на руки. Структура же документа таким образом будет представляться в следующем виде: 1) начальная инвокация; 2) подпись (или: «подлинное подписал», если это копия); 3) адрес; 4) изложение дела (и, возможно, приписки); 5) заключительная инвокация; 6) поименование посла (не обязательно) и 7) данные регистрации (место и время составления).

В заключение несколько слов к общей характеристике языка документа. Предположения Wł. Kotwicz'a и Б. Я. Владимирцова об отражении в письменном языке XIII и XIV вв. влияния двух живых современных

диалектов[1] — западного и восточного — не только заслуживает полного и пристального внимания монголистов, но должно быть положено в основу изучения истории этого языка. С своей стороны, углубляя и расширяя эту исходную базу, я пытался в другой работе привести доказательства существования, в этот решающий период сложения монгольского письменного языка, жестокой борьбы между собою двух социально-политических (феодальных) группировок — западно-монгольской и восточно-монгольской — за политическую и культурную гегемонию, и в частности — за преобладающее направление общемонгольского государственного языка (ulus-un kele) в сторону того или иного диалекта. Отражение этой-то внутриклассовой борьбы монгольских феодалов кераитско-найманско-ойратской (западной) и восточно-монгольской группировок мы и наблюдаем как в данном памятнике, так и во всех других ему современных, причем в нашем документе налицо е щ е преобладание западной, которая, повидимому, теряет свои позиции в эпоху Пагба-Ламы для того, чтобы частично взять реванш при Чойчжи-Одзере и окончательно отойти на задний план после падения юаньской династии.

20 декабря 1934 г.

P. S. Пока настоящая статья находилась в наборе, мною был закончен труд по восстановлению и переводу монгольского текста Юань чао ми ши, причем, как и следовало ожидать, обнаружена и здесь та же самая формула, что и в нашем письме: «jigüre ayulju ilekü ~ jiyuju iregüljü ilekü» — которая употреблена в памятнике один раз вместо других, обычных здесь, равнозначущих формул: «öge bariγulju ilekü» и т. п. Так, на стр. 176 памятника (в транскрипции П. Кафарова (см. Mus. As. Ind. Sect. III 966 nova) текст д. б. возстановлен: Basa Č.-X. Xubiłaγ-a ögülerün:... ta dörben noxas-iyen sedkigsen-dür, jigür-e ayulju ilebesü,... т. е.: 'Činggis-Xaγan сказал затем Xubiłai' ю: Я считал, что вы четверо-... — словно четыре дворовых пса у меня и, когда я посылал вас со своими поручениями, то вы... и т. д. «Jigüre ayulju > jiyuraγulju v. jiyuju iregüljü v. joriγułbasu» китайским переводчиком в подстрочном словаре к тексту переведено словом «указать», т. е., как и мною проектировано выше, — «дать инструкции», «поручить» и т. п. √jiyu — «наказ» (см. Ковалевский, Словарь, стр. 2333).

О происхождении глаголов с суф. -га ~ ri, восходящими к √ire. — см. подробные соображения в прим. к стр. 1, 7, 32, 33 и 87 Гесериады в моем переводе.

Отмеченные факты несомненно приближают нас к окончательному разрешению одного из трудных вопросов монгольской дипломатической терминологии XIII—XIV вв. н. э.

25 августа 1935 г.

[1] Kotwicz, op. cit., стр. 14.